

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ

«ГОРОД ДЯ СПЯНИЦА...»

Откуда

Ростов

пошёл

есть...

У нашего города особое имя.

Оно напоминает о просветителе и мудреце,
проповеднике и драматурге – Златоусте России
ДИМИТРИИ РОСТОВСКОМ,
первом святом послепетровского времени на Руси,
которого чтит православный мир.
Не много найдётся городов, у которых есть свой святой.
Нам посчастливилось.

На гербе крепости святого Димитрия Ростовского и сегодняшнего Ростова
сторожевую башню венчает Андреевский флаг.
Чести получить его в свой герб не имели другие крепости России.
Этот флаг предназначил быть городу портом.

ИЗДАНИЕ ДЛЯ СЛАБОВИДЯЩИХ

**АВТОР ТЕКСТА И СОСТАВИТЕЛЬ:
Е. И. СОКОЛОВА**

**РЕЛЬЕФНАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ГРАФИКА:
Л. И. ЖУРАВЕЛЬ**

**КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЁРСТКА:
Е. И. СОКОЛОВА**

ОТВ. ЗА ВЫПУСК И. К. ЕРМОЛЕНКО

ТИРАЖ: 5 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ОТПЕЧАТАНО В
ОБЛАСТНОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ
БИБЛИОТЕКЕ ДЛЯ СЛЕПЫХ**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

ИЗДАНИЕ ПОСВЯЩЕНО:

355-летию со дня рождения
митрополита Дмитрия Ростовского

245-летию со дня подписания Указа
императрицы Елизаветы Петровны
о названии строящейся на Дону новой крепости
именем *«НОВОЯВЛЕННОГО СВЯТОГО»*
Дмитрия Ростовского

200-летию со дня подписания
императором Александром I
Указа о переводе уездных присутственных мест
из города Таганрога в город Ростов

195-летию со дня утверждения герба
города Ростова-на-Дону

175-летию со дня рождения первого
городского головы
Андрея Матвеевича Байкова

СОДЕРЖАНИЕ:

ВВЕДЕНИЕ.....	5
СВЯТИТЕЛЬ.....	8
ЗНАМЕНИТЫЙ И РАЧИТЕЛЬНЫЙ МУЖ.....	29
РОСТОВСКИЕ СИМВОЛЫ.....	49

ВВЕДЕНИЕ

«...В 1752 году при ремонте храма, где был погребён митрополит Димитрий, тело его было найдено нетленным...»

«...Открытие нетленных останков сопровождалось чудесными исцелениями, происходившими при них...»

«...Кроме того, во многих местах России исцеления происходили именем Димитрия, по молитве к нему...»

«...Для временного хранения обретённых мощей на прежнем месте была устроена каменная гробница...»

Примерно так писали – очень по тем временам малочисленные – средства массовой информации.

Ростов-на-Дону...

Что это, собственно, значит?

Официально наш город впервые был так назван 200 лет назад – 17 августа 1806 года, когда император Александр Павлович указал перевести «уездные присутственные места», то есть, администрацию, из Таганрога в Ростов. Уезд уже и раньше – с 1797 года – назывался Ростовским, однако не по городу Ростову, а по Ростовской крепости.

Разговаривая, люди, конечно, давно говорили: «Ростов». Точно так сегодня для краткости мы говорим: «Вёшки», «Обливы», «Семикаракоры», «Заветка» вместо полных наименований этих станиц и городов. Императорский же Указ привёл официальную

норму в соответствие с фактическим положением вещей.

Крепость на практике называлась не только «Ростовской», но и «Дмитриевской» и «Святодмитриевской».

Почему же так?

Это, оказывается, всё были варианты её официального названия.

*Императрица Елизавета Петровна
Указом от 13 октября 1761 года
повелела назвать строящуюся на Дону крепость
во имя святителя Димитрия Ростовского.*

Самого святителя на тот момент не было в живых уже 52 года, но слава, немалая при жизни, после смерти только ширилась. Димитрий оставил целую библиотеку написанных им разнообразных трудов, и наибольший читательский интерес вызывали знаменитые «Четьи-Минеи» («Мои чтения») – Жития христианских святых, составленные календарно. Особенно нуждалась в них церковь для отправления «праздников», «памятей», «дней». Но и грамотные миряне с большим удовольствием читали эти поучительные и живые книги.

В 1752 году произошло событие, которое перевело фигуру покойного ростовского митрополита на порядок выше. Во время ремонта в Яковлевском монастыре были вскрыты захоронения Владык, и гроб Димитрия оказался не с прахом, как другие гробы, а с мощами! То есть, тело сохранилось в такой степени, какая по церковному пониманию, предполагала чудо.

Срочно была наряжена специальная комиссия Святейшего Синода для тщательного обследования останков Димитрия. Дошёл до нас акт, составленный этой комиссией.

Вывод её однозначный: нетленность останков соответствовала требованиям, необходимым для канонизации – причисления к лику святых.

Автор *«Четий-Миней»* делался одним из действующих лиц этого свода Житий.

Так у России появился новый святой – **святитель Димитрий Ростовский**.

Имя *«Димитрий»* он получил при постриге в монашество. Родители же крестили его Данилой. Полностью – Данила Саввич Туптало. *«Ростовский»* – от города Ростова Ярославской губернии, по которому называлась митрополия. Это старорусский город, некогда бывший стольным для Ростовского княжества.

Димитрий в совершенстве владел даром слова, неслучайно церковь впоследствии назвала его *«Российским Златоустом»*. В возрасте всего лишь 25 лет он уже читал блестящие проповеди в кафедральном соборе Чернигова.

Появление нового святого – событие большое и нечастое. Оно было у Елизаветы Петровны на слуху, когда военная коллегия, готовящая Указ о закладке крепости на Дону, запросила Зимний дворец, как оную наименовать. *«Димитрия Ростовского»*, – был ответ императрицы.

Полвека спустя крепость превратилась в город Ростов. Впоследствии, во избежание путаницы, велено было добавить к названию Ростова Ярославского

«Великий», а к названию нашего города – *«на Дону»*. *«Ростов на Дону»*. Сначала – безо всяких дефисов.

Краевед Борис Украинцев пытался выяснить, откуда взялось название *«Ростов»*. След тянулся во времена незапамятные...

А тот же Владыка Димитрий в сочинении *«О начале древнего славянского народа»* называет в качестве ориентиров и новгородскую реку Рось, и библейского князя Роска.

СВЯТИТЕЛЬ

В русских святых мы чтим не только небесных покровителей грешной земли нашей: в них мы видим откровения нашего собственного духовного пути. Мы верим, что каждый народ имеет своё религиозное призвание, и, конечно, всего полнее оно осуществляется его святыми. Их идеал веками питал народную жизнь; от их огня вся Русь зажигала свои лампы.

В разные исторические эпохи, видя духовное состояние людей, Господь посылал Церкви Христовой истинных пастырей, чтобы во тьме нравственной деградации и духовного ослепления давать верные духовные ориентиры, указывающие путь к истине вечной жизни.

И поэтому, «говоря о важных русских исторических деятелях прошлых веков, нельзя умолчать о духовном лице, действовавшем преимущественно в конце XVII столетия; оно имеет важное значение не только для своего времени, но и для последующих

времен по тому благочестивому уважению, какое к его памяти оказывает русский народ».

XVIII век ознаменовался петровскими реформами – преобразованиями, связанными с ломкой старинных устоев, разрушением того многовекового уклада жизни, к которому привыкли русские люди.

Поистине, в это трудное время нужен был светильник, чтобы зажечь лучину веры в духовно обнищавшем народе.

«И Господь, по Своей неизречённой милости, для врачевания человеческих душ воздвиг такой светильник на свещнице Церкви Христовой – святителя Димитрия Ростовского».

В том же 1651 году, когда скончался *«дивный подвижник юга»* преподобный Иов Почаевский, в декабре, в местечке Макарове (Макарьеве), что в 40 верстах от Киева, в семье казачьего сотника Саввы Григорьевича Туптало родился сын Данила (Даниил).

В своё время Туптало-старший являлся участником Переяславской Рады по воссоединению Украины с Россией.

А по молодости лет Савва Григорьевич мало бывал дома, военная служба – превыше всего!

Воспитанием и первоначальным образованием маленького Данюшки занималась мама, Мария Михайловна. В доме всегда царил добрый христианский порядок. Скончалась Мария Михайловна в глубокой старости, в Великую Пятницу, в три часа пополудни, то есть, по древнему исчислению, *«в 9-м часу, когда*

Господь предал душу Свою в руки Отца Небесного». Святитель всегда вспоминал о своей дорогой матушке с великой нежностью.

11-ти лет Даню определили в Киевское Братское училище при Богоявленском монастыре. Впоследствии оно станет Духовной Академией.

Превосходно успевая в науках обычных, Даниил отличался и замечательным благонравием и рано обнаружил склонность к жизни созерцательной и подвижнической. Он не принимал никакого участия в играх товарищей и избегал всяких утех и увеселений. Свободное от школьных занятий время он *«проводил в чтении Священного Писания, творений и Житий святых мужей и в молитве. С особенным рвением посещал он храм Божий, где благоговейно возносил свои усердные молитвы к Господу».*

Это были годы войны.

Одарённый от природы живым воображением и глубиной чувства, Данила предался религиозной созерцательности и решился принять постриг. Печальная судьба Малороссии, как видно, содействовала такому настроению: кругом себя он видел только кровь, слёзы и нищету; одна беда влекла за собой другую беду; и исхода плачевному состоянию края не предвиделось ...

Даже учение не могло идти своим обычным порядком: Киев не раз переходил то в русские, то в польские руки, а в 1665 году поляки вообще разрушили училище. Естественно было при таком существовании предаться мысли о непрочности земных благ и искать пристанища в иноческой жизни. И на 17-ом

году с разрешения родителей прилежный отрок поступает в Свято-Кирилловский монастырь.

С этого времени начинается духовная карьера для *«природноодарённого стихотворством и витиеватостью речи юноши»*.

9 июля 1668 года Данила принял обет с именем Димитрий, а 23 мая 1675 года, в день Сошествия Святого Духа Димитрий возведён в сан иеродиакона.

Савва Григорьевич отличался живой любовью к благочестию. Посвящая милого сына на служение Господу, он построил в обители трапезный храм в честь Димитрия – ангела сына-инока. Три дочери его, сёстры Данилы, были одна за другою игумениями Иорданской женской обители, и сама эта обитель устроена заботливостью боголюбивого Саввы Григорьевича.

Ректором Димитрия тогда был выдающийся проповедник и богослов Иоанникий Голятовский, много писавший в защиту православия. Под его руководством выработался у будущего святителя замечательный дар слова. Он в совершенстве изучил те приёмы и обороты речи, которые невольно поражали потом слушателей его поучений, и приобрёл ту энергию и необходимую силу убеждения, проявившиеся впоследствии в борьбе с раскольниками.

Будучи истинным патриотом, Димитрий внимательно следил за политической жизнью Малороссии. Он очень болезненно переживал происходившие события.

К этому периоду относится *«Диарий»* (записки на польском языке), в котором молодой монах отмечал все события, происходившие тогда как на Украине,

так и в Польше, и в Москве. События, от которых зависела судьба его многострадальной родины.

Эти годы – начало проповеднической деятельности будущего святителя. Вначале он был проповедником при архиепископе Лазаре, которого называл *«великим столпом церковным»*, потом служил в Вильно. После Вильно попал в Слуцк, где православное население особенно терпело большие притеснения от униатского засилья. В Слуцке Димитрий прожил почти год в Преображенском монастыре, его избрали братским проповедником.

Так тихий и скромный иеромонах оказался в центре борьбы православной веры с униатами и стал активным защитником своих убеждений.

Пребывание в Литве дало определённый опыт.

Через год он вернулся на родину, снова стонущую от бесконечных нападений турок и татар. 10 августа 1681 года Димитрий был возведён в сан игумена и назначен в Свято-Спасский монастырь в Чернигове.

По возвращении на Украину, ему пришлось быть игуменом в разных монастырях, потому что многие обители просили о назначении его к ним настоятелем. Дважды слагал он с себя должность, но люди, высоко ценившие его духовную настроенность и нравственные качества, в частности и святитель Феоodosий Черниговский, убеждали принимать её вновь.

В Чернигове он начал свою первую книгу *«Руно орошённое»*, с описанием чудес, *«бывших от чудотворной иконы Божией Матери»* в Черниговском Троицко-Ильинском монастыре. Книга эта имела большой успех и несколько раз переиздавалась.

Общение с образованными представителями духовенства и данные Богом способности определяют его

дальнейшую судьбу: Каневский и Густынский монастыри; пребывание в Литве и Белоруссии; Батуринский монастырь и, наконец, Киево-Печёрская Лавра, навсегда прославившая его имя. Здесь Димитрий начал большую работу по составлению *«Четий-Миней»*.

Многие лица даже в среде духовенства не знали порядка библейского повествования. Посему свянитель и желал составить краткую библейскую историю, чтобы каждый мог приобрести её за недорогую цену и познакомиться с содержанием Вечной Книги.

В Новгороде архиепископ Макарий – впоследствии Московский митрополит – собрал *«все книги чтимая, которая в русской земли обретаются»* и составил *«Великия Четьи-Минеи»*.

Но на юге России, со времён батыева разорения, подобных сборников не было.

Считая издание *«Четий...»* первостепенной задачей, Димитрий одновременно строго исполнял другие церковные послушания, являясь поочередно настоятелем нескольких монастырей.

С увлечением занимаясь писательским трудом, он с живым вниманием продолжал интересоваться и судьбами украинской церкви. В связи с принятием русского подданства Украина должна была подчиниться Московскому патриарху вместо Константинопольского, как было раньше, и вновь избранный в 1685 году Киевский митрополит Гедеон был посвящён уже не в Константинополе, а в Москве. То есть, тем самым со всей своей паствой он подчинился Московскому патриарху.

Димитрий вместе с большинством духовенства выступил противником такого подчинения.

Но на нежелание украинских пастырей верховная российская власть уже давно не реагировала.

Новый митрополит вместе с гетманом Мазепой уговорили Димитрия снова принять игуменство в Батуринском монастыре, обещая ему всячески содействовать в продолжении его труда.

Тогда-то по ходатайству гетмана из Москвы для Димитрия и были присланы макарьевские *«Великие Четьи-Минеи»*.

И вот, наконец, в январе 1689 года в Лавре издана I часть нового труда.

Между тем из Москвы *«поднялись тревоги на Малороссийскую Церковь по поводу спора о святой Евхаристии»*. Эти тревоги не прошли без неприятностей для занятий игумена.

Патриарх Иоаким, не доверяя православию малоросских учёных (как состоявших под влиянием Запада), вытребовал *«Четьи...»* Макария назад в Москву и в личной грамоте выразил сильное неудовольствие за печатание димитриевской книги без его рассмотрения. Притом ещё и указал на несколько ошибок в печатном издании. Пришлось ехать в Москву. Димитрий был представлен царю Иоанну Алексеевичу и патриарху Иоакиму. Проблема решилась полюбовно.

«Мы посещали его (Иоакима) часто, - писал сам святитель, - он благословил мне, грешному, продолжать писания Житий святых и дал на благословение мне образ Пресвятой Богородицы в окладе».

Через год вышла и II книга, уже при новом патриархе Адриане. Адриан также благословил продол-

жать составление «Четий...» на весь год, поощрил патриаршей грамотой и денежными подарками.

Желая скорее окончить свой труд, Димитрий вновь сам отказался от игуменства, отдавшись всецело любимому делу. Но этот отказ не помогает.

Его назначают игуменом Глуховского монастыря. Здесь он бурно занялся благоустройством обители, но подоспело предложение занять такую же должность в Кирилловском монастыре (где в то время состоял его отец). Святитель согласился.

20 июня 1696 года Димитрия возводят в сан архимандрита в Елецком Успенском монастыре; он оставляет за собой в течение 3-х лет и управление Глуховским монастырём.

И на новом месте архимандрит проявил себя исключительно способным хозяйственником. Состояние монастыря значительно улучшилось, даже появилась возможность оказывать помощь нуждающимся. В голодные годы по распоряжению Димитрия на монастырскую казну покупали хлеб и кормили голодающих в самой обители.

Вскоре Димитрий закончил свою III книгу Житий.

Её выход *«радовал всех благочестивых людей»*.

«После сего архимандрит лавры Иоасаф Кроюковский с братией, в знак особенного уважения к составителю Житий святых, прислал ему в дар икону Пресвятой Богородицы (пожалованную царём Алексеем Михайловичем Киевскому митрополиту Петру Могиле во время венчания своего на царство)».

И сам Димитрий не скрывал своей радости. В то время у него созрел план создать на основе «Четий...» одну небольшую книгу, поместив в неё в со-

кращённом виде Жития святых за год. Так, появилась новая книга *«Мартиролог вкратце»*.

А в 1701 году на талантливом проповеднике обратил внимание молодой царь Пётр: по монаршей воле Димитрий становится митрополитом Тобольским и всея Сибири.

Высокой честью почтили смиренного Димитрия, но не была она ему по душе.

Сибирь – страна суровая и холодная; а здоровье митрополита было слабое, расстроенное непрерывными занятиями. Сибирь – страна далёкая, а у святителя было близкое сердцу занятие, которое начал он в Киеве и мог продолжать только там, или близ тех мест, где сосредоточивалось тогда просвещение, а не в глухом медвежьем краю. Всё это так беспокоило его, что он слёг. Сам государь посетил больного и, узнав причину, успокоил и дозволил остаться на время в Москве, в ожидании ближайшей епархии. Вакансия вскоре открылась: скончался Ростовский митрополит Иоасаф, и 4 января 1702 года Димитрий назначается на Ростовскую кафедру.

1 марта по дороге из стольного града святитель сначала заехал в Спасо-Яковлевский монастырь на окраине Ростова и совершив моление в Зачатиевской церкви, указал в юго-западном углу этого храма место для своего погребения, произнеся *«се покой мой, где вселюся во век века»*.

По приезде в Ростов митрополит сразу же отслужил божественную литургию и обратился к народу с приветственным словом.

Состояние же ростовской паствы и духовенства глубоко его поразило: духовенство сплошь было неграмотным, невежественным, большинство заражено

гнусным пороком пьянства. Богослужения совершались без всякого благоговения.

Такое духовенство не только не могло быть хорошим помощником своему архипастырю в просвещении паствы, но и оказывало отрицательное влияние на религиозно-нравственное состояние народа.

И митрополит ревностно берётся за просвещение духовенства и мирян.

Много труда пришлось приложить Димитрию, чтобы изменить существовавшее положение и насадить во вверенной ему епархии самые необходимые евангельские начала.

В Ростове даже дети священников почти никогда не причащались. И при своём доме он открыл училище для подготовки пастырей из детей духовенства и сам следил за их образованием и воспитанием.

Большое внимание уделял митрополит проповеди, силе слова. *«Злое слово и добрых злыми творит, доброе же слово и злых делает добрыми»*, - говорил он.

Проповеди святителя отличались простотой и живостью. Кроткий и мягкий в управлении, он своим жизненным примером учил окружающих молитве, посту, сострадательности и милосердию.

Большинство его проповедей носили нравоучительный характер. В них видна одна определённая цель: возбудить высшие духовные запросы у слушателей и дать ответы на них, а также помочь пасомым возрасть в христианской жизни.

Надежным средством воспитания благочестия в пастве он считал правильное, торжественное и благоговейное совершение богослужения!

В своих окружных посланиях святитель рассказывает, как достойно осуществлять служение. Пример

такого богослужения подавал он сам и требовал этого от всех священников. Он вменил им в обязанность за литургией обучать прихожан молитвам.

Такие меры святителя Димитрия по воспитанию вверенной ему паствы в сравнении с существовавшими тогда жестокостями сразу выдвинули ростовского архипастыря из всех современных ему иерархов.

Его называли проповедником покаяния. В противоположность существовавшему тогда понятию, что архиерей не обязан заглядывать в народную толщу, святитель Димитрий сам принялся за обличение недостатков. Он даже *«оставил своё желание писать летопись, направив всё внимание на повышение уровня религиозно-нравственного состояния пасомых»*.

Наряду с поучительными проповедями и беседами святитель говорил и обличительные, в которых с особою силою обнажал общие пороки, обращаясь к людям всех сословий, состояний и положений. В его речах была образно *«представлена живая картина, как Царствие Божие странствует по земле среди всех сословий, ища себе покоя и не может найти его»*.

Однако в своих проповедях святитель не грозит наказанием за многочисленные преступления, но сам скорбит и плачет о своей обязанности обличать и карать. В своих обличениях святитель старался приблизиться к положению грешника, желал помочь ему, разъяснить его греховное состояние.

Проповеди митрополит строил так, чтобы некоторые из них могли быть произнесены и священниками, которых он убеждал неослабно проповедовать если не словом, то жизнью своей.

Человек, согласно учению Ростовского митрополита, может преодолеть свою чувственную природу, возвыситься над законами материального мира, может достигнуть бессмертия, истинной свободы от греха, так как он способен ответить на любовь Божию своею любовью к Нему.

По словам его, образ Божий есть и в душе неверного человека, но подобие имеется только в добродетельном христианине, и если христианин совершает смертный грех, то он *«лишается подобия Божия, но не образа...»*.

Вот что пишет святитель о свободе: *«... Бог говорит грешнику так: тебя без тебя создать мог Я, но спасти тебя без тебя не могу... Если же ты сам не хочешь спасения, если ты сам убегаешь от вечной жизни, если ты погибель свою любишь больше спасения, то ни мудрость Моя, ни милосердие Мое, ни всемогущество Мое не помогут тебе»*.

Грех является великим злом, противлением и непослушанием воле Божией, он удаляет человека от Творца, лишает его богосыновства и благодати. Бог, создав человека разумным и свободным, насильно не спасает его. Ведь человеку дано всё, чтобы он мог осознать своё действительное положение в мире, поверить Богу, ответить на Его любовь.

И вот как святитель поучает пастырей любить Бога: *«Когда Бог сказал, что пастыри будут по сердцу Его, Он указал и на то, что они будут любить его всем сердцем, соблюдая Его заповеди. И если такими были пастыри в Ветхом Завете, то, тем более, ныне в новой благодати пастыри должны быть по сердцу Богу, соблюдая заповеди по сердечной любви к Нему»*.

То есть, любовь должна занимать главное место в пастырском служении!

Как высшее проявление пастырского духа, она выражается в жертвенной любви к ближним. Потому что без последней не может быть и настоящей любви к Богу.

Большое значение Димитрий придавал делу просвещения. Все возникавшие негативные человеческие настроения, например, раскол и другие заблуждения считал следствием невежества. Похвалу разуму он воздавал уже в *«Алфавите Духовном»*, написанном ещё в Малороссии. Митрополит хвалил обычай посылать молодых людей для обучения за границу. *«Что другое может вразумить человека, как не учение?»* - говорил святитель и принимал все меры к тому, чтобы насадить школьное образование в своей епархии.

В 1702 году Владыка открыл первую в стране школу, куда принимались дети всех сословий. Обучение было бесплатным. Димитрий вкладывал в это дело всю свою душу. Воспитание детей отличалось разнообразием и широтой, им была представлена большая свобода. Школьники заменяли святителю семью и друзей. Впервые в России в обычной школе преподавался греческий и латинский языки.

Расходы на школу покрывались из средств архиерейского дома. Но, к огорчению Димитрия, ростовская школа просуществовала всего 3 года.

Это объясняется тем, что период жизни и деятельности святителя в Ростове, был периодом преобразования России на основе петровских реформ. Все средства были брошены на войну, на развитие военной техники. Изыскивались всевозможные источники

для пополнения государственной казны. Одним из таких источников было лишение монастырей и архиерейских домов большей части их владений.

Димитрий, один из немногих, внял трудностям молодого царя и довольно терпимо отнёсся к закрытию школы. Это дело временное, главное – забота об Отечестве!

Но дела просвещения он не оставил – просто приказал священникам, чтобы они сами обучали детей грамоте.

Впоследствии по примеру ростовской, стали открываться школы и в других епархиях.

Мудро управлял своею паствою святитель Димитрий и никогда не прибегал к суровым мерам. Отличаясь кротостью, он ко всем – и знатым, и простым – относился с одинаковой любовью и без всякого лицепрятия. В нём горела безграничная любовь к людям. Он беседовал со всеми как кроткий друг и добрый отец со своими детьми.

Обращался он со слугами своими очень человечно. Когда кто-нибудь из них бывал именинник, того он благословлял образком или жаловал деньгами. Учил их усердно поститься, избегать объедения и пьянства. Сам Димитрий подавал пример к тому в своей собственной жизни. Принимая пищу только для того, чтобы поддерживать телесные силы, на первой неделе Великого поста вкушал только один раз. И один только раз вкушал он и на Страстной неделе, в Великий Четверг.

Святитель изнурял своё тело, как кающийся грешник. Часто распростирался на земле крестом и по три часа лежал в таком положении, летом предоставляя своё тело комарам.

Достигнув высшего сана святительского, Димитрий сохранил своё всегдашнее смирение: к вышестоящим был почтителен, к равным – благосклонен, к подчинённым – милостив, к несчастным – сострадателен.

Сам государь и вся царская семья глубоко уважали Ростовского митрополита за его истинно добродетельную жизнь.

Современник и сподвижник Петра I, духовный деятель высокой категории, Димитрий успешно выступал и как теоретик, и как практик.

При всей своей разнообразной и многосторонней деятельности он не бросал и любимого труда по составлению Житий. Трудился день и ночь, боясь не успеть.

Труд его увенчался успехом. 9 февраля 1705 года была закончена последняя книга «Четий...». Все сознавали важность этого капитального труда не только для России, но и для всей Восточной церкви.

Составление «Четий...» потребовало от Димитрия величайшего напряжения сил. Он потерял здоровье, но оказал всему Российскому православию величайшую услугу. *«Предки наши искони любили чтение Житий святых Божиих; их подвиги и страдания ради имени Христова, явления силы Божией, действовавшей в преподобных и мучениках, всегда служили средством к возбуждению, одушевлению и утверждению чад Божиих в подвигах благочестия».* Поэтому распространение сведений о жизни святых всегда считалось одной из первых потребностей в православии, для чего оно издавна переводило от-

дельные жизнеописания святых с греческого языка и вновь составляло Жития святых Русской церкви.

Несказанно радовался завершению своего дела и сам Димитрий.

Книга эта – итог 25-летней, поистине титанической, работы.

Четверть века он собирал, дополнял, сопоставлял, исправлял, писал Жития и поучения, используя славянские, греческие и латинские источники; проработал массу документов, написанных на разных языках, среди которых были и книги неправославного происхождения. Поэтому к каждому источнику он подходил с исключительным вниманием. Более 60 имён церковных и светских писателей, историков, учителей церкви и богословов упоминает святитель в своих произведениях!

Его личная библиотека насчитывала свыше 300 томов, и он её непрестанно пополнял.

Он мог просиживать над материалами целые ночи.

Иногда в сонных видениях ему являлись те святые, о которых он писал, и указывали на неполноту изложения их Жития. Такие сны Димитрий запоминал до мельчайших подробностей.

Только богослужение, которое он никогда не пропускал, на малое время прерывало его занятия.

Несколько позже в качестве руководства по церковной истории была написана книга *«Летописец»* и ряд других работ.

Последние годы жизни Димитрия были посвящены борьбе с расколом. Понимая, что это движение *«начало приобретать силу в епархии после введения петровских реформ и ничем полезным, кроме как новой братоубийственной войной сие не окончится»*,

святитель взялся – как за верное средство – за проповедь и составление статей, объясняющих сущность раскола и обличавших его. Им написано доступным для простого народа языком сочинение против раскольников: *«Розыск о раскольнической Брынской вере»*.

А в сочинении *«Об образе и подобии Божиим»* он мягко выступил против мнения, что обрившие бороду лишатся спасения – образ и подобие Божие вовсе не во внешнем виде, а в человеческой душе.

Это сочинение, по повелению государя, было напечатано трижды.

Если бы об этом таком простом положении Дмитрия помнили наши современные российские политики...

Своей неустанной деятельностью по борьбе с расколом митрополит возбудил против себя среди раскольников ужасную ненависть, что явилось самым лучшим свидетельством о действительности борьбы святителя. Это подтверждали и сами *«расколоучители»*.

Кроме исторических и публицистических трудов, Дмитрий написал силлабическими стихами несколько драм духовного содержания: *«Рождество Христово»*, *«Кающийся грешник»*, *«Эсфирь и Агасфер»*, *«Димитриевская»*, *«Успенская»* и *«Воскресение Христово»*. Одна из них, *«Эсфирь и Агасфер»*, представлена была в Великий пост на придворном театре при императрице Елизавете Петровне. Списки некоторых драм есть в Российской патриаршей библиотеке. Из духовных его стихотворений (Псалмы и Канты) неко-

торые напечатаны. Прочие неизданные сочинения хранятся в рукописях в разных библиотеках.

По мнению исследователей, творческое наследие святителя Димитрия составляет *«до 20 томов сочинений и трудов, свидетельствующих о нём, как о неутомимом труженике, подвижнике науки, церковном энциклопедисте»*. Но, к сожалению, весьма многие поучения утрачены.

Недаром боялся Димитрий Сибири; и менее суровый климат Ростовского края зловредно подействовал на его здоровье, ослабленное многолетними трудами и строгим постничеством. Уже в 1708 году святитель жаловался, что не в состоянии работать: глаза ослабели. Перо, по его словам, выпадало из рук; но он, преодолевая временную слабость телесную, не прекращал своей деятельности.

Чувствуя приближение своей кончины, святитель увеличил благотворения бедным, часто призывал в крестовую палату слепых, хромых, всех несчастных, нищих; ставил им трапезу; давал одежду и оказывал дела милости.

У него не было ни малейших сбережений и в своём завещании он специально (дабы не вводить никого в искушение) отметил, что никакого богатства искать не надо, так как он его никогда не имел.

До самого дня кончины митрополит Димитрий сам совершал богослужения в храме. Последнюю литургию отслужил в день своего ангела – 26 октября – но был уже настолько слаб, что произнести поучения не смог.

Следующий день – 27 октября 1709 года – был последним днём его земной жизни.

Вечером он пригласил к себе певчих, послушал любимые канты. Затем всех отпустил, оставив при себе только одного самого близкого – Савву Яковлева – помощника-переписчика бумаг.

Святитель рассказывал ему о себе, о своей юности, как он жил, как всегда прибегал к молитве. В конце заметил: *«Вот и вы, дети, также молитесь!»* И, помолчав, добавил: *«Пора и тебе, дитя, иди домой!»* Певчий подошёл к нему на благословение. Проводив его до двери, Владыка вдруг низко, чуть не до земли, поклонился ему, благодаря за всегдашние труды и переписку. Певчий вздрогнул и смотрел в недоумении на Владыку. *«Благодарю тебя, дитя!»* - повторил святитель и закрыл за ним дверь кельи.

Утром 28 октября вошедшие к нему в келью нашли Дмитрия уже почившим в склонённом молитвенном положении на коленях».

Святителю было тогда 58 лет.

Три удара 2000-пудового колокола соборной звонницы возвестили жителям Ростова о кончине Владыки...

После отпевания в Успенском соборе, тело Дмитрия находилось в Спасской церкви. Погребение святителя отложили до приезда его друга митрополита Стефана Яворского. Такова была воля покойного. Они договорились, что *«кто из них переживёт другого, тот должен совершить погребение своего умершего друга».*

Митрополита Стефана ждали в Ростов почти целый месяц. Наконец, по приезде, жители стали просить его, чтобы почивший святитель был погребён в Ростове, но Стефан ответил, что должен выполнить волю Дмитрия – совершить погребение в Зачатиевском Яковлевском монастыре.

Из монастырского приказа было предписано устроить в юго-западном углу Зачатиевской церкви каменный склеп и вытесать каменный гроб.

Но, вместо этого в могиле почему-то был сооружен лишь деревянный сруб.

Его устлали черновиками незаконченных произведений святителя.

Это обстоятельство, предусмотренное Промыслом Божиим, и привело к обретению мощей.

Через 42 года в соборной церкви монастыря производился ремонт, и 21 сентября при починке опустившегося пола было обнаружено нетленное тело святителя Дмитрия.

Место погребения оказалось сырым, дубовый гроб и находившиеся в нём рукописи истлели, но тело святителя, а также омофор, саккос, митра и шёлковые чётки сохранились нетленными.

После обретения у святых мощей совершалось множество исцелений, о чём было донесено Синоду, по предписанию которого в Ростов и прибыли Суздальский митрополит Сильвестр и Симоновский архимандрит Гавриил для освидетельствования мощей святителя и происшедших чудесных исцелений.

Последовал *«Указ Синода от 29 апреля 1757 г. о причислении к лику святых святителя Дмитрия,*

митрополита Ростовского, и установлении празднования 28 октября (день преставления) и 21 сентября (день обретения мощей)».

Службу, посвященную святителю, Синод поручил составить Амвросию, епископу Переяславскому. Житие святителя написал новый Ростовский митрополит Арсений.

Императрица Елизавета пожаловала серебряную раку и облачение из золотой парчи.

«Нетленные мощи святителя Димитрия почивают открыто в юго-западном углу соборного храма во имя Зачатия святой Анны, в серебряной раке, устроенной благочестием императрицы Елизаветы Петровны».

И императрица Елизавета Петровна назвала строящуюся на Дону по замыслу своего Великого отца крепость именем Димитрия Ростовского, что и дало в дальнейшем название нашему прекрасному городу.

«Переложение мощей из прежней раки во вновь устроенную последовало в 1763 г., мая 25-го, в присутствии императрицы Екатерины II, прибывшей для сего из Москвы в Ростов после царского своего венчания».

23 мая новоявленная императрица со свитой пешком пришла в Ростов.

Митрополит Димитрий явился первым святым, канонизированным к общерусскому почитанию в синодальный период. Более того, прославление Димитрия Ростовского оказалось единственной общерус-

ской канонизацией на протяжении всего XVIII столетия.

В Ростове-на-Дону святителю возведены храм его имени и памятник.

ЗНАМЕНИТЫЙ И РАЧИТЕЛЬНЫЙ МУЖ

Каких только экзотических улиц и памятников нет в Ростове! Есть улица Галактическая, Астероидная, Фобоса, Млечного пути...

Есть бульвары Джордано Бруно, Коперника, Галилео Галилея (все они – надо полагать – ростовчане!)...

Красуются памятники читателю одной из газет, пивовару с бочкой, коробейнику, Нахалёнку, парню-борцу...

Нет в топонимике нашего мегаполиса лишь упоминания об его истинном отце и благодетеле.

О человеке, без которого трудно себе представить историю города на Дону, кто в своё время сделал для него больше, чем все последующие партийные боссы вместе взятые.

Нынешний Ростов с его неповторимой ретровнешностью и громкой славой – его детище, выстраданное и выношенное им за 28-летний период его созидательной деятельности.

Это – первый ростовский градоначальник Андрей Матвеевич Байков.

Родился будущий *«знаменитый и рачительный муж»* прохладным вечером 17 сентября 1831 года в Харькове, в семье мелкопоместного дворянина Матвея Андреевича Байкова, зарабатывавшего на жизнь семьи преподаванием математики в местном университете.

Был к тому же Матвей Андреевич и профессором сельского хозяйства и домоводства. В начале 1832 года его вызвали в Петербург для устройства здесь Земледельческого училища ведомства Департамента уделов, которое он привёл в образцовое состояние.

Профессорский сын Андрюша получил прекрасное домашнее образование, окончил гимназию. Позднее – Высшее училище правоведения. Вышел оттуда *«первым по списку с золотой медалью с производством в чин титулярного советника и занесением его имени на мраморную доску почёта в конференц-зале училища»*.

Немногие сиятельные аристократы могли похвастать таким рвением в достижении знаний!

В 1851 году молодого *«легиста»* определили чиновником для особых поручений при Департаменте юстиции, а через 2 года при этом Департаменте он уже стал помощником юрисконсульта и коллежским ассессором.

Для 23-летнего человека – серьёзная карьера в супербюрократической России.

Перспективного юношу заметила дочь пехотного генерал-майора Прасковья Колодкина. Вскоре у молодой семьи появилась очаровательная Олечка.

Но грянула Восточная, или, как у нас её принято называть, Крымская, война.

Байков получил чин штабс-капитана и назначение адъютантом 1-й дружины Подвижного ополчения.

1 июля 1854 года отряд дружины под его командованием на острове Равенсаари отбил нападение англо-французского десанта в составе фрегата, канонерской лодки и нескольких баркасов и гребных судов. Андрей был ранен и уже в госпитале принимал *«именное монаршее благоволение»*. Едва поднявшись на ноги, отбыл на Кавказ, где ещё раз геройски проявил себя в отражении десанта при Трапезунде.

Вновь раненый, он был переведен в более спокойное *«лермонтовское»* место – заведовать в Пятигорске минеральными источниками.

Потом – в Министерство уделов. В мае 1856 года, после окончания войны, ополчение было расформировано, а Байкову разрешили в знак памяти и признания его заслуг носить на груди без ленты крест ополчения и бронзовую медаль на Андреевской ленте *«В память войны 1853-1856 годов»*. За ревностную службу наградили орденом Святой Анны III степени.

В нашем с Вами Ростове он впервые побывал в перерыве между назначениями – в 1854 году. Завёл здесь полезные знакомства в среде негоциантов и даже поучаствовал (правда, не слишком успешно) в коммерческой операции по поставкам продовольствия для действующей армии. Его содельниками были таганрожский писатель Николай Кукольник и ростовцы Павел Чехов (отец будущего писателя) и купец Алфераки.

В 1857 году надворным советником Андрей Матвеевич вышел в отставку с гражданской службы и занялся предпринимательством, образовав совместно с Морицом фон Дезингом общество «Сельский хозяин» для «обработки животных продуктов и вывозки за границу». Для чего вновь приехал в уже знакомый ему Ростов – тогда маленький и захолустный.

Вот как описывал его краевед И. Кузнецов: *«...Грязный городишко, без мостовых и даже без уличных фонарей, с полуразрушившимися зданиями и примитивной архитектуры частными постройками».*

Бывшая крепость с вековой историей и почти 18-тысячным населением утопала в грязи.

По городским улицам расхаживали важные ростовские гусаки, а после дождя нечистоты водопадом низвергались с правобережных круч в Дон-батюшку, наполняя определёнными ароматами глиняные мазанки на его холмах...

По воспоминаниям современников, *«ростовские домовладельцы того времени обнаруживали вообще сильную привязанность к грязи и имели насчёт санитарно-гигиенических требований своё самобытное представление, в силу которого вывозкой нечистот со двора не очень обременяли себя, а уж если такая оказия случалась, то обыкновенно домовладелец находил справедливым не утруждать себя далёкой вывозкой и сбрасывал нечистоты где-нибудь поблизости, в пределах города».*

Наиболее излюбленными местами сброса были Малая Садовая (ныне улица Суворова) и Базарная площадь.

В порту хмельные грузчики вываливали тюки с товарами прямо в зловонные лужи, из местных кабаков шёл такой чад, что даже голодные береговые коты не рисковали приближаться к закопчённым кухням.

В соседней Нахичевани дома виноградом нависали друг над другом так, что любой пожар грозил стать для армянского поселения последним днём Помпеи.

В осенне-весеннюю распутицу всаднику, чтобы проплыть на коне из одного конца города в другой (от нынешнего Театрального проспекта до реки Темерник), светового дня не хватало.

А подвода на пути от Дона до городских садов перед Генеральной балкой (ныне Большая Садовая) просто тонула.

По ночам же под звёздным донским небом воцарялась тьма египетская. Фонарей не было, спать ложились с сумерками... И лишь мрачные пономари лупили в колокола, не давая запоздалым путникам усомниться, что именно в этой темени и спит уставший за день будущий Ростов-папа.

Своё стратегическое значение Дмитриевская крепость утратила ещё в начале XIX века в связи с удалением границ и перенесением войн в Кавказские горы. Так что крепостные валы стали пастбищем для коз местного торгового населения.

Казаки же, привычные к станичному укладу и брезгующие торговлей, селиться в городах принципиально не желали.

Горожане представляли собой причудливую национальную смесь из славяно-армяно-греко-иудеовосточного конгломерата, ничуть не уступающего

Одессе, с преобладанием торгового, фабричного и всякого рода работного люда.

К тому же многочисленные войны, бунты, брожение, разорение влекли сюда большое количество переселенцев, бродяг, сирых и убогих, нуждающихся хотя бы в мизерном заработке и какой-нибудь работе.

В общем, перед столичным юристом предстало огромное село с разномастной застройкой – от 3-этажных домов до кособоких крытых соломой маза-нок.

Насколько успешно в Ростове развивалась деятельность *«Сельского хозяина»*, сказать сложно. Но авторитет в городе Байков заработал и среди местных негоциантов приобрёл определённый вес.

Посему, вероятно, 21 октября 1862 года чинное купечество, троекратно облобызав кандидата, выдвинуло его в первые городские головы шестигласной Думы на ближайшее 3-летие.

Дело было новое, никому не ведомое – затеял сам Государь император – никому не хотелось опростоволоситься. Считалось: *«Байков спроворит – молодец. А нет – так и горя мало, всё равно чужак»*...

Кроме него, членами думы стали исключительно купцы: Ашкенази, Носов, Ростовцев, Кушнарёв и Крылов.

Для начала *«чужак»* Байков принялся укреплять думскую материальную базу, заполняя девственно чистую казну. Само собой, за счёт поддержки курицы, несущей золотые яйца, – ростовского купечества.

В 1863 году на углу Почтового переуллка (ныне улица Островского) и Большой Садовой задымили трубы макаронной фабрики купца 1-й гильдии Чурилина.

Чуть поодаль два его сына Михаил и Александр, освоив *«янтарную науку»* в Германии, запустили пивоваренный завод.

Торговые люди Асмолов и думец Кушнарёв, почувствовав модную среди разночинцев страсть к табакокурению, открыли собственные мануфактуры.

В короткий срок в захолустном городке – крепости – пышным цветом распустились писчебумажная фабрика Панченко (ныне *«Ростов-бумага»*), предприятия купцов Максимова, Парамонова, склады Кошкина, Дракина и других. Появилось общество взаимного кредита – банк, пособлявший начинающим негоциантам, контора Государственного банка, отделение Коммерческого совета, биржа...

В благодарность за поддержку купец-казак Максимов на радостях сдал свой 2-этажный дом на углу Почтовой и Николаевского (Станиславского-Семашко) под размещение городской Думы – под брызги шампанского справили новоселье.

Байков сумел зацепить тщеславную струнку ростовских купцов, и они начали возводить особняки, стараясь перещеголять друг друга. А потом давали свои имена: *«Дом Кистова»*, *«Дом Шапошникова»*.

А один негоциант переплюнул всех: по сумасшедшей цене купил в Венеции приглянувшееся роскошное строение и полностью перевёз его в Ростов!

Росло и крепчало купечество – росла и крепчала донская столица.

Центральная улица города с Почтовой переместилась на Московскую, оттесняя непролазную грязь в

глубь города. Улицу вновь перерыли, но уже с самыми благородными намерениями – Байков с думцами добился от торгового сословия ассигнования 20 тысяч рублей на обустройство первой в городе-болоте мостовой.

Сняли с души часть многочисленных грехов купцы-лихоимцы!

Заодно соорудили двухвёрстное шоссе между Ростовом и Нахичеванью. Опыт понравился – изыскали средства на замощение Таганрогского проспекта – город ширился и уже перешагнул границами за сады.

А затем пришла очередь и Генеральной балки, через которую, наконец, перебросили каменный мост. Под ним проложили трубы, и в ростовские дома потекла вода – перестали тянуться вереницы несчастных старух с коромыслами от Богатыновского источника. Где водопровод, там и канализация – исчезли вечные зловонные лужи, иссякли водопады нечистот, посвежел воздух.

Байковскими усилиями открылась Петропавловская богадельня – и потянулись сирые и убогие в юдоль призрения.

А город всё рос.

Байков трудился, не покладая рук. Дабы обыватель не был в неведении относительно планов думцев, вышла в свет первая (не считая короткого и печального опыта с асмоловским «Вестником») газета «Ведомости Ростовской-на-Дону городской управы».

В связи с переустройством Ростова Байков явил обществу и новый проект города. По нему начисто исчезали хатёнки и мазанки, возводились новые

просторные кварталы с фасадами в духе классицизма, с колоннами и балконами, отвечавшие вкусам столичного бомонда. Его усилиями был учреждён Гирловой комитет, занимающийся расчисткой донских гирл для облегчения судам выхода в Азовское море. Появилась первая гимназия, еврейское и ремесленное училища, мужская и женская воскресные школы.

Восхищённое купечество переизбрало Андрея Матвеевича ещё на одно 3-летие. А тот, нимало не медля, ввёл в Ростове очередную восхитительную новинку – керосиновые фонари. С 1864 года более 600 таких осветительных приборов разогнали знаменитую египетскую тьму, взывая к ночной жизни развивающийся город. Развесили их в основном на Большой Садовой, куда постепенно перемещался торгово-финансовый пульс города-купца.

Замостили улицу квадратной плиткой – на забаву прохожим. (Так что, практически полностью плиточный сегодня Ростов-на-Дону – изобретение далеко не сегодняшнее.)

Для сравнения: тогда как в 1844-1860 годах на мощение города выделялось 7 тысяч рублей, то в 1861-1864 годах – во время правления Байкова – почти 43 тысячи!

Вскоре по этим *«квадратным мостовым»* загрохотал в Нахичевань первый омнибус.

Чуть ли не ежемесячно Байков удивлял горожан новинками: то загудел у Дона первый паровоз из Воронежа, то застучала телеграфная станция, то заплясали актёры на сцене *«итальянской оперы»* и театра Садомцева.

Миру явились пожарная команда, Всехсвятская кладбищенская церковь, синагога...

При Байкове появилось знамя города.

И в честь этого знаменательного события он устроил первый в истории Ростова общегородской праздник, положивший начало таким модным ныне Дням города.

Друг Андрея Матвеевича К. Скальковский характеризовал его так: *«...имел немало слабостей и недостатков, был... из породы так называемых дельцов и подчас не стеснялся выбором средств, но зато это был нечастый у нас пример человека настойчивого и с характером и умевшего руководить городским самоуправлением, столь в России невежественным и мнительным».*

Дел было невпроворот, городской голова ушёл в заботы с головой и, не поднимая её, не разглядел опасности.

А завистливые люди давно уже исподволь подкапывались под благоустроителя. Доносы губернатору в Екатеринославль пошли чуть ли не сразу после байковского избрания. Утверждали, что Байков обложил купечество собственным «налогом». Формально – были правы. А он и не отрицал: старое Городовое положение не позволяло иначе изыскивать средства на нужды собственного полиса. Ну, не мог он, чтобы во вверенном ему городе было плохо! Собственно, он просто по-рыцарски взял всю ответственность ради процветания Ростова на себя.

Он не стал оправдываться, просто вывел ревизоров в город и показал наглядно, куда пошли эти деньги.

Увидев омнибус, мостовые, водопровод и всякие другие *«зело полезные»* новшества, ревизоры разорвали донос и отбыли в Екатеринославль.

Но доносчики не унимались. Гласному Думы, доктору медицины Григорию Ткачёву байковские лавры, верно, не давали покоя.

С его лёгкой руки в мае 1865 года полетел губернатору очередной донос от *«59 граждан»* из 16 обвинительных пунктов.

Но скандал снова не удался. Игнорируя навет, Ростов 5 сентября того же года демонстративно присвоил Байкову титул *«Почётного гражданина»*. А сам губернатор края в ноябре прислал резолюцию на филёрское послание – *«оставить без последствий»*. А вслед за тем – и орден Станислава II степени городскому голове.

Но... капля и камень точит. Тем более, если она из дёгтя...

Своего склочники всё же добились. 17 октября 1869 года по докладу министра внутренних дел генерал-майора Тимашева Андрей Матвеевич был *«удалён до окончания разбирательств по делу»*. И пока шло разбирательство, вместо него был избран уже другой голова.

В трудные дни рядом с ним остался лишь верный купец Василий Яценко. Многие отвернулись, многие затаились, дожидаясь, чем закончится разбирательство...

В конце концов Байкову предложили лишь пост гласного Думы и директора сельскохозяйственного общества. Скрипнув зубами от обиды, он согласился.

Считал: умный человек нигде не пропадет, принося пользу на любом месте.

В 1871 году в России было введено новое Городовое положение, значительно облегчившее прерогативы земства. Его функции расширились, появилась возможность для более гибкого маневрирования финансами, упрощалась фискальная деятельность. С грамотным подходом можно было принести городу огромную пользу. Но прежде негибкий, а ныне опальный «отец города» не мог простить предательства и чёрной неблагодарности.

Потому всякий раз на инициативу выдвижения своей кандидатуры в городские головы отвечал отказом.

Но без дела не сидел. Сыграл не последнюю роль в устройстве в Ростове газового освещения.

На деньги, собранные попечительским советом Байкова, была перестроена городская больница, ставшая лучшей на Юге России.

21 августа 1871 года Байков был причислен к Главному управлению наместника на Кавказе и получил ещё одного Станислава – «С императорской короной». Вслед за чем был назначен почётным мировым судьей Владикавказа и вновь стал заведовать Кавказскими минеральными водами.

Пока он служил в управлении наместника, почти 5 лет тянулась волокита с проверкой его «дела». Окончательно рухнуло оно в сентябре 1876 года. Немаловажно, что в эти годы господин Ткачёв «в списках гласных Думы не значился» и, следовательно, не мог пакостить падшему титану.

Время шло. Ростов рос, как на дрожжах.

К середине 1870-х годов он насчитывал уже около 50 тысяч жителей. К нему потянулись железные лен-

ты дорог, связывающие Кавказ, Украину, Центральную Россию, Кубань. Вся береговая часть города – от Нахичевани до Темерника – покрылась благоустроенными набережными и пристанями, амбарами, пакгаузами, складами. Здесь швартовались десятки пароходов, барж, принадлежавших многочисленным местным и иностранным компаниям. Грузооборот города увеличился в десятки раз. Количество предприятий – втрое.

Город требовал хозяйской руки.

И 7 марта 1884 года Андрей Матвеевич всё-таки дал согласие баллотироваться на новый срок.

Во время торжественной встречи, Байков, отвечая на приветствия, сказал:

- *Мне трудно будет много сделать, потому что городская касса пуста.*

- *Помилуйте, Андрей Матвеевич, - возразил один из гласных простодушно, - да мы вас потому и пригласили, что у нас теперь в кассе нет ничего!..*

Андрей Матвеевич только грустно улыбнулся. Верный Ященко вошёл в Думу вместе с ним.

За короткое время их совместными усилиями был переоформлен ярмарочный комитет, преобразована таможня, была создана санитарная лаборатория, положившая конец разгулу холеры на Дону. В 1886 году в Ростове зазвонил первый телефон (новинка немецкой фирмы Зигеля). В 1887 году Большую Садовую пересекли рельсы конки, значительно облегчив медлительную омнибусовскую тряску.

При активном содействии Байкова и привлечении иностранного капитала было основано Американское благотворительное общество, начата работа по созданию городского музея, открылось женское учи-

лице, велись переговоры со знаменитым скульптором Михаилом Микешиным по сооружению памятника Александру II на Базарной площади. Были проведены серьёзные расчёты постройки Волго-Донского канала, принял современный вид городской сад, а в саду играл симфонический оркестр...

Построили коммерческий клуб. Сначала – Зимний. Он располагался в северной части городского сада на месте постоянных дворов. А затем – и Летний, в нынешнем Первомайском парке. Зимний клуб не уцелел – во время войны попала бомба, а Летним можем любоваться и сейчас. Это великолепное здание, где ныне дом физкультуры. Раньше в нём было озеро с лебедями, сцена, выступали артисты. В парке устроили оранжерею с экзотическими пальмами.

Музыкальные вечера, которые проводились и Зимнем и в Летнем клубах, очень хорошо дополняли – как бы мы сказали сейчас – культурную программу города. И потянулись ростовские купчихи не только к собственным кошелькам, но и к духовной жизни...

И ещё одно немаловажное деяние. В 1880-х годах по мере резкого роста городского населения самозавхваты земли стали настоящим бедствием.

За Таганрогским проспектом в мгновение ока выросло поселение люмпенов, прозванное Нахаловкой; на Нахичеванской меже прилепился ещё один полхутор-полутабор. Попытки снести их к успеху не приводили – возникал стихийный бунт. Вот и ввёл голова Байков практику предоставления льгот на поселения бедноты, разом сняв бунташную напряжённость.

Те же с благодарностью называли хуторок неподалёку от Богатого источника Байковским.

В 1893 году в Санкт-Петербурге вышла книжечка пользовавшегося тогда большой популярностью сатирика П. Мартьянова *«Цвет нашей интеллигенции. Словарь-Альбом русских деятелей XIX века в силуэтах, кратких характеристиках, надписях к портретам и эпитафиях»*.

В общем, это сборник незлых эпиграмм.

Попали в этот *«Словарь...»* многие известные личности: писательница Ишимова, антрепризёр Корш, профессор Энгельгардт, заводчик Путилов...

«Попавшие» совсем не обижались, а даже гордились. Рассказывали, что сам Государь император как-то посетовал, что его обошли *«сей весёлой честью»*...

А вот Андрея Матвеевича не обошли.

Мартьянов охарактеризовал его так:

*Ростова-на-Дону известный голова,
О нуждах города печальник и радетель.
И славных вод кавказских – шла о нём молва, –
Не откупщик он был, а благодетель.*

Столица отметила, что при Байкове *«Донской Ростов становится одним из первых городов Юга России по красоте и благоустройству»*.

Даже фрондирующий журнал *«Современник»*, со страниц которого поливались грязью города глуповы и выяснялось, кому на Руси жить хорошо, нашёл для ростовского головы добрые слова. Прежде всего отметили удивительный для тогдашней холерной России феномен – значительное снижение смертности и культурное событие общероссийского значения – основание публичной библиотеки.

А открылась она на Дону, вообще-то, сравнительно поздно.

Андрей Матвеевич впервые поднимает этот вопрос в Думе ещё в 1862 году (в самом начале своего правления) – о создании городского музея и публичной библиотеки, но не встречает понимания. Сие предложение совершенно не устраивало владельцев частных платных библиотек-читален – Куприянова, Салтыкова, Васильева.

В 1884 году, проживающий в Харькове штабс-капитан В. А. Сыхра предложил Байкову купить у него в собственность Ростова книжное собрание из 3 тысяч томов. Это предложение Дума снова отклонила.

Тем не менее, в том же году Байков своего добился: Думцы постановили *«в целях ограждения общественной нравственности от таких публичных увеселений, которые могут влиять на массы развращающим образом»* учредить библиотеку и разрешили городской управе купить бывшую частную библиотеку Г. А. Фронштейна – 3 тысячи книг на сумму 4675 рублей. Это и стало основой для формирования фонда Ростовской-на-Дону городской публичной библиотеки.

21 мая 1885 года губернатор дал добро.

Ныне – это Донская публичная библиотека, в советское время – имени Карла Маркса.

Казалось бы, *«над всем Ростовом безоблачное небо»*. Однако врагов у благоустроителя от его добрых дел отнюдь не уменьшилось – доктор Ткачёв с его присными тоже без дела не сидел.

16 июня 1887 года умер член городской управы, заведующий делопроизводством и счетоводством, Станислав Журавлёв.

Проверка его бумаг выявила недостачу в 6025 рублей. Случай экстраординарный – всегда всё сходилось. Потрясённый Байков из собственных средств внёс в городскую казну 2 с половиной тысячи как ответственный за своих подчинённых. Лучше бы он этого не делал...

Потоки кляуз вновь хлынули к губернатору. Лживые наветы просочились в печать. Повод придумали глупейший – якобы Байков, через руки которого проходили многотысячные суммы, прикарманил полукопеечный сбор за неправильно оформленную концессию. А заодно ему же поставили в вину покрытие расходов. Вернул – значит, с вором заодно.

Была назначена очередная ревизия, знаменитого голову вновь отстранили от должности. В конце концов, Байков попал под суд. Весь Ростов, затаив дыхание, следил за исходом дела.

И опять не получилось – суд вчистую оправдал теперь уже действительного статского советника Андрея Матвеевича Байкова. Тем более, что нашёлся истинный вор – артельщик Селин, сознавшийся в мздоимстве.

И уже в ноябре думская делегация низайше просила голову приступить к своим обязанностям.

Счёты с клеветниками Байков сводить не стал. Вот только здоровье в борьбе за правду сдало. Потрясение от нового предательства было слишком сильным.

В 1889 году уже тяжело больной, он уезжает лечиться в Австрию, в Меран.

Но на чужбине он не протянул и месяца.

18 сентября окончился земной путь Андрея Матвеевича Байкова.

Ростовская Дума, вечно спорившая с ним по каждой запятой, наконец, усовестилась и приняла погребение на свой счёт. Газеты пестрели некрологами, одно лишь перечисление благодеяний Байкова заняло всю полосу в «*Донской пчеле*». Похороны вылились в шествие чуть ли не всего облагодетельствованного усопшим населения.

Весь Ростов шёл за траурным кортежем – такого не было ни до, ни после...

Последним приютом для него стало Старое кладбище, располагавшееся тогда южнее нынешнего ипподрома в границах улиц Чехова – Малюгиной – Университетского – Греческого города Волос.

На надгробии было только три слова: «*Андрей Матвеевич Байков*».

В зале Думы повесили его портрет. Его именем назвали паром, бульвар, мост, хутор, улицу на Темерницком поселении (ныне Республиканская), улицу рядом – Ященковской.

Позднее возле могилы установили Крестовоздвиженскую церковь вечной памяти усопшего Почётного гражданина...

Но, когда вдова обратилась в Думу, хлопоча о пенсии за мужа, её встретил там всё тот же доктор Ткачёв:

- *Да, сударыня... понимаем, сударыня... весьма сожалеем, но в казне нет средств...*

Больше гордая женщина в этих стенах не появлялась.

Справедливости ради стоит заметить, что наш замечательный донской краевед Владимир Сидоров пишет, что Георгий Иванович Ткачёв *«был замечательным человеком, по-своему столь же замечательным, как и Байков. А вдвоём подобным людям тесно»*.

Всё может быть. Но подлость, как её ни припомаживай, ни припудривай и ни приглаживай всё равно остаётся подлостью. Ну, да Бог всем ткачёвым судья.

Сам же Ткачёв пережил своего врага всего на несколько лет – сошёл в могилу в 1894 году, скопив миллионы, но оставив своих родных без гроша. Его именем назвали переулочек с характерным названием Острожный (ныне Университетский).

А тот же Сидоров далее продолжает: *«Судя по количеству подписей под жалобой, в Ростове процент замечательных людей был выше среднего»...*

И снова слова старого ростовского летописца Кузнецова: *«Современники мало понимали Байкова, и общество, среди которого он жил и работал, было в недостаточной степени подготовлено к восприятию того воздействия, какое он хотел оказать на него... Преемники Байкова могли бы в значительной степени прославить себя, если бы воспользовались хотя бы ничтожной частью из того, что было **задумано** **ИМ**»*.

В 70-х годах прошлого века по подсказке другого ростовского краеведа Андрея Зимина и снова того же Владимира Сидорова, в высших партийных кругах

области вроде бы собрались открыть кое-какие новые мемориальные доски по истории Дона, в том числе и Андрею Байкову.

Но всё как-то быстро сошло на «нет». Поддержки не нашлось.

Откликнулась какая-то учительница с 20-летним стажем: *«Почему меня хотят заставить уважать какого-то городского голову А. М. Байкова, атамана С. Ефремова и не уважать В. И. Ленина, С. М. Кирова, Ю. А. Гагарина?»...*

Как говорится, апельсины с гвоздями...

Были и другие подобные отзывы. Короче, *«исторической мотивировки»* не нашлось.

Ныне нет ни Байкова, ни Крестовоздвиженской церкви. Над его могилой дымятся трубы, скачут лошади и звучит мощный ипподромовский мат.

Память о благоустроителе существует только в музейных стенах да в десятке книг по краеведению.

Куда ему до Млечного Пути и бронзовых монстров, изваянных при жизни...

«Чужак»!

«Где бы я ни был, я всегда буду считать Ростов родным городом и не изменю его знамени.»

15 октября 1841 года. Андрей Байков.»

Это написано 165 лет назад.
Тоже юбилей.

...А на лето 2006 года выпал первый *«российский саммит»*. Извольте любить и жаловать – *«большая восьмёрка»* в гости к нам.

Собираются лидеры под Питером, в Стрельне. К официальным услугам роскошный Константиновский замок. А вот разместятся они в отдельных коттеджах на территории *«Дворца конгрессов»*. Каждый из этих домиков носит имя одного из российских городов. *«Наиболее красивых и неповторимых в своей индивидуальности»*. Для Жака Ширака – *«Ярославль»*, для Тони Блэра – *«Великий Новгород»*, для Ангелы Меркель – *«Вологда»*, для Стивена Харпера – *«Самара»*...

А Дзюньитиро Коидзуми очутится в *«Ростове-на-Дону»*!

Так что все те впечатления (от ознакомления с Южной столицей-в-миниатюре), которые увезёт потом к себе в страну Восходящего Солнца японский премьер, имеют очень давнее происхождение.

Начало красоте и индивидуальности Ростова-на-Дону положил знаменитый и рачительный муж первый ростовский голова Андрей Матвеевич Байков.

РОСТОВСКИЕ СИМВОЛЫ

ГЕРБ ГОРОДА

История герба города Ростова-на-Дону началась в 1811 году – 29 июля (2 августа?), когда Высочайшим повелением императора Александра I Ростову были дарованы привилегии и символ – сам герб и утверждён первый план городской застройки. С тех пор прошло 195 лет.

Описание, составленное с требованиями русской геральдики, гласило:

«В голубом поле башня, изображающая преграду, поставленную от набегов соседствующих хищных народов, и поверхность нашу над ними, изображённую трофеем, поставленным из орудий тех народов, в Красном поле».

В дальнейшем развитие города, рост его экономического, политического авторитета, изменение официального статуса также находило отражение в гербовой символике.

В 1904 году, в связи с учреждением в городе Ростове-на-Дону отдельного градоначальства, к гербу была добавлена сверху царская корона, а по случаю возведения Ростова в степень губернского города – вокруг герба помещён дубовый венок (символизирующий мощь), перевитый красной Александровской лентой.

С приходом к власти большевиков, герб был изменён.

Описание гласило так:

«Щит рассечён, на синем (голубом) и на красном (червлёном) поле двухъярусная башня белого цвета с отворёнными воротами; вокруг башни – кольцо, состоящее из 2 половин. Половина на синем (голубом) поле – колосья; половина на красном (червлёном) поле – шестерёнка. Внизу – будённовка, под нею 2 скрещённые казачьи шашки. Ниже – 2 белые волны».

9 апреля 1996 года на 22 заседании (решение N 211) городская Дума приняла Положение «О символах Ростова-на-Дону», в котором говорится:

«Герб – главный символ города, отражающий заслуги Ростова-на-Дону перед Россией и городским сообществом, юридические права и привилегии, полученные органами местного самоуправления в разные годы своей истории».

Описание:

«Щит рассечён, на синем (голубом) поле кирпичная двухъярусная башня с открытыми воротами и на ней развивающийся вправо белый, обременённый Андреевским синим (голубым) крестом, флаг на древке белого цвета; под 6-зубцовым верхним ярусом 3 бойницы, расположенные над 4-зубцовым нижним ярусом; на красном (червлёном) поле белого цвета, одетые на шест, древний шлем, повернутый

прямо, и кольчуга и позади них – лук тетивою вниз накрест со стрелой и копьем».

Цвета поля: синий (голубой), символизирующий честь и славу, искренность и преданность традициям многих поколений ростовчан, и красный (червлёный), означающий справедливость и храбрость, силу и мужество, проявленные ростовчанами в трудовых буднях и на полях сражений за независимость и свободу Отчизны.

Герб города зарегистрирован вместе с Уставом города отделом юстиции администрации Ростовской области 14 июня 1996 года (регистрационный № 1).

Эталонные размеры герба города имеют соотношение высоты к ширине 0,97:1

Герб города располагается на знамени города, помещается на должностном знаке мэра города.

Иные случаи официального использования изображения герба города Ростова-на-Дону устанавливаются решением городской Думы.

Допускается:

применение герба города в монохромном и трафаретном изображении.

Не допускается:

цветное воспроизведение герба города в каком-либо другом виде, отличающемся от принятого городской Думой.

ЗНАМЯ ГОРОДА

Знамя города, как святыня городского общества, было даровано общественностью города городской Думе 20 сентября 1864 года.

Во второй половине XIX – начале XX века под этим знаменем формировались полки народного ополчения, уходившие на защиту южных рубежей России.

Знамя города изготовлено в единственном экземпляре и хранится в здании городской Думы. Оно находится под стеклянным колпаком на парадной лестнице между первым и вторым этажами.

Знамя выносится из здания городской Думы почётным караулом только в День города и в День Победы.

Другие случаи использования знамени города определяются специальным решением городской Думы.

Знамя изготовлено из белого атласного полотна, с обеих сторон которого помещён герб города. На знамени золотом вышиты надписи: *«Город Ростов-на-Дону»* и *«Основан в 1749 году»*.

Надписи, выполненные золотом, от чистого поля знамени отделяет красная окантовка шириной 10 мм, расположенная от краёв полотна на расстоянии 50 мм. Расстояние до герба города от верхнего и нижнего краёв полотна по 150 мм. По периметру полотна знамени украшает золотая бахрома длиной 25 мм.

Наличие на знамени цветного городского герба и белый цвет атласного полотнища символизируют свободу и открытость Ростова-на-Дону для развития торговли и промышленности, установления культурных и иных связей с городами-партнёрами.

Размер знамени города определён «золотым сечением», отношением длины к ширине – 1:0,62 и составляет по длине – 1370 мм, ширине – 850 мм. Древко знамени (диаметр 25 мм) увенчано металлическим навершием с хромированным покрытием ромбовидной формы высотой 175 мм.

Знамя города Ростова-на-Дону не может быть использовано предприятиями, учреждениями, организациями, независимо от форм собственности, в качестве основы для разработки своих символик.

Не допускается:

цветное воспроизведение знамени города в каком-либо другом виде, отличающемся от принятого городской Думой.

Допускается:

применение полиграфических копий знамени города в монохромном изображении.

ФЛАГ ГОРОДА

Флаг города Ростова-на-Дону – святыня городского сообщества, символ его единства и взаимодействия горожан, подлежащий защите как внутри города, так и за его пределами. Флаг города символизирует городское сообщество независимо от вероисповедания

и национальности его членов, их принадлежности к партии и общественным движениям.

Флаг города представляет собой прямоугольное полотнище «золотого сечения» (соотношение высоты к длине – 2/3), состоящее из цветов герба города (вертикально делящих полотно на две равные части), располагающихся на лицевой стороне от древка в следующем порядке.

Синий (голубой), символизирующий честь и славу, искренность и преданность традициям многих поколений ростовчан, и красный (червлёный), означающий справедливость и храбрость, силу и мужество, проявленные ростовчанами в трудовых буднях и на полях сражений за независимость и свободу Отчизны.

На флаге в центре воспроизведён малый герб города в контурном изображении: щит рассечён, на синем (голубом) поле белая двухъярусная башня с затворёнными воротами и на ней развивающийся вправо белый, обременённый Андреевским синим (голубым) крестом.

Флаг на древке белого цвета; под пятизубцовым верхним ярусом две бойницы, расположенные над семизубцовым нижним ярусом; на красном (червлёном) поле белого цвета, одетые на шест, древний шлем, повернутый прямо, и кольчуга и позади них – лук тетивою вниз накрест со стрелой и копьём.

Цвета флага и гербовые фигуры на оборотной стороне располагаются в следующей последовательности от древка флага: на синем фоне – сторожевая башня, на красном – военные трофеи.

Гербовые фигуры воспроизведены без детализации, белым цветом, символизирующие чистоту помыслов, свободу и доброту ростовчан, мирное сосуществование граждан разных национальностей в городском сообществе, открытость города для своих друзей, готовность горожан к сотрудничеству.

Малый герб города воспроизведён в контурном изображении без детализации. Толщина белой линии контура щита – $1/50$ высоты флага, высота щита – $5/7$ высоты флага, высота гербовых фигур – $3/5$ высоты флага, ширина гербовых фигур – $1/4$ высоты флага.

Внутренние и внешние линии контуров гербовых фигур воспроизводятся чёрным цветом. Толщина внешних линий фигур составляет $1/4$ толщины белой линии контура щита герба города. Толщина внутренних линий фигур составляет $1/8$ толщины белой линии контура щита герба города.

Флаг города вместе с флагом Ростовской области постоянно находится на фасадах зданий городской Думы и администрации города, районов.

При одновременном поднятии Государственного флага Российской Федерации и флага города, Государственный флаг Российской Федерации располагается с левой стороны (если стоять лицом к флагам).

При одновременном поднятии Государственного флага Российской Федерации, флага Ростовской области и флага города Ростова-на-Дону соблюдается следующий порядок их расположения (со стороны стоящего лицом к флагам):

- Государственный флаг Российской Федерации – в центре;
- флаг Ростовской области – с правой стороны;
- флаг города Ростова-на-Дону – с левой стороны.

При этом флаг города не может быть больше Государственного флага Российской Федерации и флага Ростовской области.

Флаг города постоянно находится в рабочих кабинетах мэра города, заместителя мэра города по местному самоуправлению, заместителей главы администрации города, руководителей структурных подразделений администрации города, глав администраций районов, в залах заседаний городской Думы и администрации города, районов.

При подъёме флага – в День города, районов; на официальных церемониях и торжествах по случаю знаменательных дат и событий в жизни города, районов; всероссийских и международных мероприятий; при вручении призов ростовчанам на спортивных и других состязаниях – флагу отдаются высшие почести.

В дни государственных праздников и в День города, районов флаг города размещается на фасадах зданий предприятий, учреждений и организаций, а также жилых домов города.

В дни референдумов, выборов депутатов городской Думы, мэра города, губернатора Ростовской области, Президента Российской Федерации флаг города вывешивается на зданиях с помещениями для голосования.

Флаг города в виде сигнального флага или вымпела используется на транспортных средствах администрации города, районов; поднимается на речных судах внутреннего плавания, на которых в качестве официальных лиц находятся мэр города, его заместитель по местному самоуправлению, заместители главы администрации города, главы администраций районов города.

Флаг города может быть поднят во время других торжественных мероприятий, проводимых органами местного самоуправления, общественными объединениями, предприятиями, учреждениями, организациями разных форм собственности, отдельными гражданами при условии соблюдения ими уважительного отношения к флагу, норм и правил настоящего положения.

В знак траура флаг города приспускается до половины древка и в верхней его части крепится черная лента, длина которой равна длине полотнища флага.

При воспроизведении флага должно быть обеспечено его цветовое и изобразительное решение, соответствующее описанию, принятому городской Думой. В полиграфической продукции допускается воспроизведение флага в чёрно-белом изображении.

Флаг города подлежит тиражированию в строгом соответствии с описанием и настоящим положением. Допускается воспроизведение флага любых размеров, из различных материалов и в виде вымпела.

Ответственность за соблюдение установленных требований при использовании флага города несут руководители органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций и граждане, применяющие его в своих целях.

ДОЛЖНОСТНОЙ ЗНАК МЭРА ГОРОДА

Должностной знак мэра города введён Городовым положением 1870 года как знак городского головы.

Представляет собой стилизованный картуш овальной формы, в центре которого на аверсе изображён герб города с надписью по верхнему краю: *«Ростов-на-Дону»*, в нижней части: *«Мэр города»*. На реверсе знака надпись: *«9 апреля 1996 г. Принятие Устава города. Установление должности Мэр города»*.

Должностной знак носится на груди поверх костюма на большой цепи. Размер должностного знака 93 x 75 мм, толщина выпуклой части 8 мм.

Должностной знак мэра города и цепь воспроизводятся из драгоценного (полудрагоценного) металла белого цвета.

По своей форме должностной знак и цепь должны отличаться от других знаков, применяемых в судебно-правовых органах.

Знак мэра воспроизводится за счёт городского бюджета. При оставлении должности знак должен быть возвращён в городскую Думу как имущество города.

Должностной знак используется мэром города в следующих случаях:

- при вступлении в должность после принятия присяги;
- при торжественных церемониях вручения дипломов и удостоверений Почётным гражданам города; победителям городских смотров-конкурсов, проводимых в городе;
- на официальных приёмах представителей городов-партнёров и других регионов России, делегаций зарубежных стран;
- при проведении официальных мероприятий в честь государственных праздников и Дня города;
- на официальных мероприятиях во время посещения городов-партнёров;
- в других особо торжественных случаях при исполнении мэром города своих полномочий.

Порядок хранения должностного знака мэра определяет мэр города.

БИБЛИОГРАФИЯ:

Кисин С. Отец города // Вестник министерства строительства, архитектуры и жилищно-коммунального хозяйства Ростовской области. – 2004 – 2006.

Лачаева М. «Деловики» в эпиграммах. // Былое – 1996. – № 1-2. – С. 8.

Сидоров В. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани. Ростов н/Д.: ДГПБ, 1994

Федяшин А. Три дня большой политики в маленькой Стрельне // Эхо планеты. – 2006. – № 29-30. – С. 6.

<http://www.days.ru/Life/life6554.htm>

<http://www.dspl.ru/history.asp?page=1>

<http://www.fialco.org/kniga/ssilki.htm>

<http://archiv.orthodox.org.ua/page-1388.html>

<http://www.rostov-gorod.ru/index.php?id=738>

<http://www.rostovstroy.ru/archive/articles/43.html>

http://www.saints.ru/d/Dimitrij_mitropolit_Rostovskij.html

<http://www.solovki-science.ru/conf1/fedotova.htm>

Книга «Откуда Ростов пошёл есть...» рассказывает об известных людях, чья жизнь и деятельность тесно связаны с нашим городом, – о святителе митрополите Димитрии Ростовском и первом ростовском голове Андрее Матвеевиче Байкове.

Во второй части приводятся материалы, посвящённые официальной символике города.